

© 2020 г.

Т.Г. НЕФЕДОВА, А.В. СТАРИКОВА

МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ КАК СПОСОБ ЕГО АДАПТАЦИИ К ПОЛЯРИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВА В ЦЕНТРЕ РОССИИ

НЕФЕДОВА Татьяна Григорьевна – доктор географических наук, главный научный сотрудник (trene12@igras.ru); СТАРИКОВА Александра Вячеславовна – кандидат географических наук, научный сотрудник (a.v.starikova@igras.ru). Обе – Институт географии РАН, Москва, Россия.

Аннотация. Пространственная мобильность населения – один из основных способов его адаптации к условиям территориальных социально-экономических контрастов. На основе данных муниципальной статистики и экспедиционных исследований в регионах Центральной России показаны причины и следствия стремления населения в столицу или ближе к ней, а также в региональные центры и их пригороды. В областях, окружающих Московский столичный регион, положительное сальдо характерно в основном для международных миграций, но они не могут восполнить потери местных людских ресурсов. Применение хроногеографического подхода и расчет плотности жизнедеятельности позволили сравнить влияние переселенческих и возвратных трудовых, учебных и рекреационных миграций. На примере Ярославской области показано формирование узлов жизнедеятельности в результате переселенческих и трудовых миграций и частичное выравнивание ее «ландшафта» за счет дачных, туристических и отчасти международных миграций.

Ключевые слова: пространственная поляризация • миграции • хроногеография • староосвоенность • Московский столичный регион • Центральная Россия

DOI: 10.31857/S013216250009567-6

Введение. Рубеж XX–XXI вв. характеризуется усилением пространственной мобильности населения, что отчасти служит индикатором недостаточности условий для вертикальной социальной мобильности в разных странах и регионах. Рост мобильности населения фиксировала теория миграционного перехода еще во второй половине XX в. [Zelinsky, 1971]. Это новое состояние общества во многом связано с информационным бумом, глобализацией, развитием транспорта, расширением виртуальных связей [Нефедова и др., 2015] и ростом внимания к пространственным потокам и сетям [Урри, 2012]. Оно воплощается в усилении перемещений между городами, городскими и сельскими поселениями и проявляется в смене места жительства, поиске работы вне дома, учебе в больших городах, регулярных поездках на дачи. При невысоких доходах населения, сильных перепадах цен на рынке жилья и привычке к «своему» жилью интенсивность миграций на постоянное место жительства (ПМЖ) в России ниже, чем во многих западных странах. В середине 2000-х гг. в США переселялось 26 человек на 1000 жителей, в Великобритании, Швеции – 20,

в Германии – 13–14, а в России – 6 [Мкртчян, 2009]. Однако они дополняются разнообразными возвратными миграциями, значительно превышающими по массовости и интенсивности переселенческие.

Во многих районах России с сильными экономическими контрастами, влияющими на условия жизни и занятость населения, его пространственная подвижность стала одним из способов адаптации к поляризации социально-экономического пространства. Нами предпринята попытка показать современные процессы пространственной поляризации через призму миграций и их причин на примере староосвоенных и прежде относительно плотно заселенных регионов Центральной России. Близость к столице является как катализатором оттока населения, так и стимулом новых импульсов, способствующих частичной стабилизации расселения и экономики и привлечению мигрантов.

Проблемы миграций исследуются в рамках социологии, антропологии, демографии, экономики, истории, права, политологии. Однако анализ пространственных закономерностей миграций характерен в основном для географии или на ее стыке с демографией. Социально-географический анализ позволяет увидеть и сопоставить разные виды и направления миграций, объяснить их причины и следствия. Возможность отразить реальный «ландшафт» мобильности населения на территории возникает в том числе и благодаря особенностям хроногеографического подхода с его комплексностью и равным вниманием к пространству и времени.

Исследование проводилось на разных масштабных уровнях: субъектов РФ и муниципальных образований. Оно основано на данных Росстата за 2012–2019 гг., Всероссийской переписи населения 2010 г. (ВПН-2010), Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г. (ВСП-2016), Итогов выборочного обследования рабочей силы 2017–2018 гг., а также на результатах экспедиций в отдельных областях, районах и поселениях в центре России.

Хроногеографический подход к изучению современного человека и его миграций.

«Хроногеографическое мышление» началось с анализа поведения отдельных личностей, но его возможности оказались значительно шире, позволяя анализировать динамику функционирования человека и общества на определенных территориях или в населенных пунктах с учетом фактора времени, значение которого усиливается [Pred, 1977; Kwan, 1999]. В социологии и социальной психологии время рассматривается как ресурс (наряду с материальными, финансовыми, информационными ресурсами), дефицитность которого растет вслед за техническим прогрессом и переменами в образе жизни. При этом времени свойственна индивидуальная, социальная и территориальная неравномерность распределения [Kramer, 2001]. Среди вариантов, позволяющих ввести в анализ фактор времени, – переход от привычных понятий (таких как ПМЖ) и временных рядов как совокупности статичных состояний к понятиям типа «пространство деятельности», «дневное/ночное/летнее/зимнее население».

Концепция хроногеографии, предложенная научному сообществу 50 лет назад [Nägerstrand, 1970], пережила стремительный взлет, упадок и новый взлет на рубеже XX–XXI вв. [Старикова, Тревиш, 2017]. Возрождение связано с развитием компьютерных технологий и расширением доступа к новым типам данных (например, сотовых операторов), а значит – с ростом возможностей для анализа деятельности индивидов. Однако преимущества хроногеографического подхода этим не ограничиваются. При его применении внимание одновременно уделяется местонахождению и деятельности индивидов, ведется учет как постоянного, так и временного населения. Поэтому в теоретические и методические рамки подхода органично вписываются современные миграционные процессы, в ходе которых усиливаются территориальные разрывы между местами жительства, работы, учебы и отдыха людей.

Исследования деятельности в хроногеографии опираются на ряд концептуальных представлений и базовых понятий [Ellegård, 2018]. Путь – центральное из них – представляет собой визуализацию перемещения индивида в едином пространстве-времени (в рамках ежедневного и др. циклов вплоть до всей жизни) и состоит из элементарных

событий (например, пребывание где-либо, перемещения, прибытие, убытие). Фиксация путей позволяет анализировать действия индивидов и их взаимодействие друг с другом. Миграционные потоки представляют собой ассоциации индивидуальных пространственно-временных путей. Они сгущаются, образуя деятельностные узлы в ключевых точках разного масштаба (предприятия, центры сельских поселений, города и др.) для осуществления экономической деятельности (комьютеры и отходники) или доступа к ресурсам и услугам, необходимым для удовлетворения материальных и духовных потребностей (миграции на ПМЖ, учебная, рекреационно-дачная и др.).

Внимание хроногеографии как к переселенческим миграциям, так и к приобретающим все больший вес возвратным видам перемещений позволяет выделять территории с различной комбинацией миграционных потоков и сравнивать данные, которые трудно сопоставить в «чистом» виде. Такие сравнения, проведенные для зарубежных регионов, показали эффективность хроногеографических моделей как инструмента географического анализа пространственной организации деятельности людей [Starikova, 2018].

Специфика миграций в староосвоенных регионах Центральной России. Усиливающаяся централизация государственной власти в сочетании с концентрацией финансов и бизнеса в столице привели к поляризации социально-экономического пространства и формированию в центре России мегарегиона с очень сложной структурой [Argenbright, 2013; Махрова и др., 2016]. Несмотря на то что Москва влияет на всю территорию страны, привлекая население и финансы из разных регионов [Зубаревич, 2012], под наиболее мощным воздействием оказываются ее ближайшие пригороды [Makhrova et al., 2017]. Однако сильное влияние Москвы испытывают не только они, но и регионы вокруг Московской области (МО)¹. При этом население МО растет самыми быстрыми темпами, в том числе за счет мигрантов из соседних регионов. Столица не только выплескивает, но и перехватывает инвестиции, вытягивает трудовые ресурсы из городов и сельской местности. Это усиливает процессы периферизации даже на небольшом расстоянии от Московского столичного региона (МСР), включающего Москву и Московскую область. В 2018 г. в окружающих МО областях, площадь которых составляла менее 10% Европейской России, проживало 8% населения и производилось всего 5% суммарного ВРП, в то время как в МСР – 17% населения, треть ВРП и четверть инвестиций.

Контрасты между регионами Центральной России в типах и интенсивности миграций существенны. Это территория интенсивных переселенческих, трудовых, учебных и дачных миграций. Разница в численности населения в Москве в будний рабочий день и в летний выходной превышает 5 млн человек [Между домом..., 2016: 26]. Чем дальше от Москвы, тем больше периоды смены фазы миграций. Трудовые миграции меняются от ежедневных маятниковых на ритм «сутки на работе – трое дома», а затем по мере удаления от границ МО – «неделя на работе – выходные дома», «две-четыре недели на работе – столько же дома» и т.д. Часть трудовых миграций заканчивается переселением в МСР, из-за чего окружающие регионы продолжают терять население. Эти потери особенно наглядны, если их пересчитать на 100 кв. км территории (табл. 1). В последние годы на каждые 10 × 10 км Москва ежегодно прибавляла 3,7 тыс. человек из других регионов России и более 500 международных мигрантов, МО – соответственно 165 и 38 человек.

Для всех окружающих МО регионов характерно отрицательное сальдо межрегиональных миграций (в основном – в МСР), а небольшие прибавки населения связаны лишь с международными миграциями (рис. 1), в том числе благодаря востребованности рабочей силы на стройках, промышленных и сельскохозяйственных предприятиях, в сфере обслуживания. Так, в Калужской области активная политика региональных властей по привлечению инвестиций сделала ее особенно привлекательной для международных

¹ Рассматривались регионы, граничащие с Московской областью (Владимирская, Рязанская, Тульская, Калужская, Смоленская, Тверская, Ярославская области), а также Ивановская и Костромская области, испытывающие существенный наплыв московских дачников.

Таблица 1

**Миграционный прирост (убыль) населения в МСР и окружающих областях
в год в среднем за 2014–2018 гг.**

Регион	Миграционный прирост (убыль)					
	тыс. чел.		на 10 000 населения		чел. на 100 кв. км территории	
	межрегиональные	международные	межрегиональные	международные	межрегиональные	международные
Москва	79,3	12,2	64	10	3050	471
Московская область (МО)	73,1	16,8	100	23	165	38
Регионы, окружающие МО	-22,1	25,9	-22	25	-6	7

Примечание. Рассчитано по данным Росстата.

Рис. 1. Прирост (убыль) населения на 100 кв. км территории в областях, окружающих МСР, в год в среднем за 2014–2018 гг. (чел.)

Источник: рассчитано по данным Росстата.

мигрантов, хотя приближившаяся граница с Москвой стимулирует отъезд местного населения. Лишь Ярославской области в последние годы удается не терять свое население.

Внутри регионов пространственная неоднородность миграций особенно велика и связана с удаленностью от областных центров (рис. 2). Это касается и малых городов, и сельской местности, для которой типична пригородно-периферийная организация расселения и хозяйственной деятельности при разреженной сети крупных центров за пределами Московской области [Иоффе, Нефедова, 2001; Мкртчян, 2018].

Некоторые причины современных миграций. Главным фактором усиления миграционного оттока из областей, окружающих МСР, в последние десятилетия стала потеря работы.

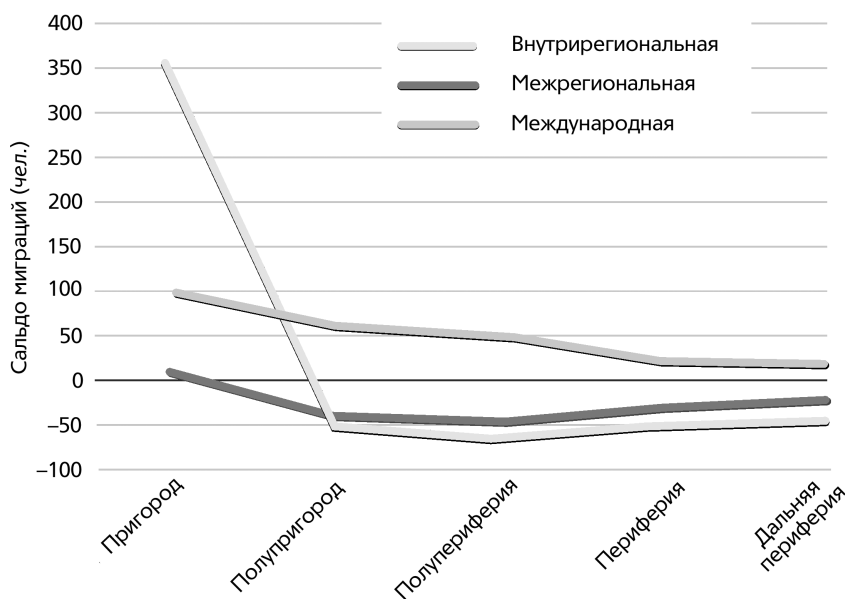

Рис. 2. Миграция сельского населения внутри регионов, окружающих МСР, по мере удаления от областного центра, в год в среднем за 2015–2017 гг. (чел.)

Источник: рассчитано на основе данных Федеральной службы государственной статистики по муниципальным районам, городам и городским округам за 2012–2018 гг. .

Данные по муниципальным образованиям показывают, что доля занятых в организациях, включая бюджетную сферу, составляет здесь менее половины населения в трудоспособном возрасте, а в Ивановской и Костромской областях и менее трети². Большинство рабочих мест сосредоточено в областном центре или в больших (свыше 100 тыс. жителей) городах, особенно в промышленности.

Сокращение занятости характерно и для сельского хозяйства в связи с закрытием в 1990-х гг. в нечерноземных регионах многих предприятий, а также с модернизацией оставшихся и появлением после 2000 г. в окружении Москвы агрохолдингов. Это позволило частично восстановить в отдельных очагах производство молока и мяса [Нефедова, 2019], но в связи с внедрением современных технологий привело к резкому сокращению занятости. Усугубила ситуацию кампания по «оптимизации» бюджетной сферы, которая во многих сельских районах Центра, особенно удаленных от городов, концентрировала до 80% занятых.

Вторым важным фактором, выталкивающим население в крупные центры и ближе к ним, как на заработки, так и с целью переселения, является уровень зарплат, который заметно уменьшается при удалении и от МО, и от региональных центров (рис. 3). Отток населения, особенно молодежи, стимулирует инфраструктурная неблагоустроенность сельской местности и частично малых городов, с которой молодое поколение, в отличие от старшего, не готово мириться. Сложнее всего обстановка в областях к северо-западу и северо-востоку от МО, где более 90% сельских населенных пунктов не подключены к газовым сетям и 70–90% не имеют сетевого водопровода. Опросы молодежи, обучавшейся в вузах Ярославля в 2018 г., показывают, что свыше 60% респондентов из районов области и других регионов не хотят возвращаться в города и районы, где они выросли, а 55% выходцев из Ярославля не собираются оставаться здесь после получения диплома [Starikova, 2019].

² Авторы опирались на данные Федеральной службы государственной статистики (Росстата) по муниципальным районам, городам и городским округам за 2012–2018 гг.

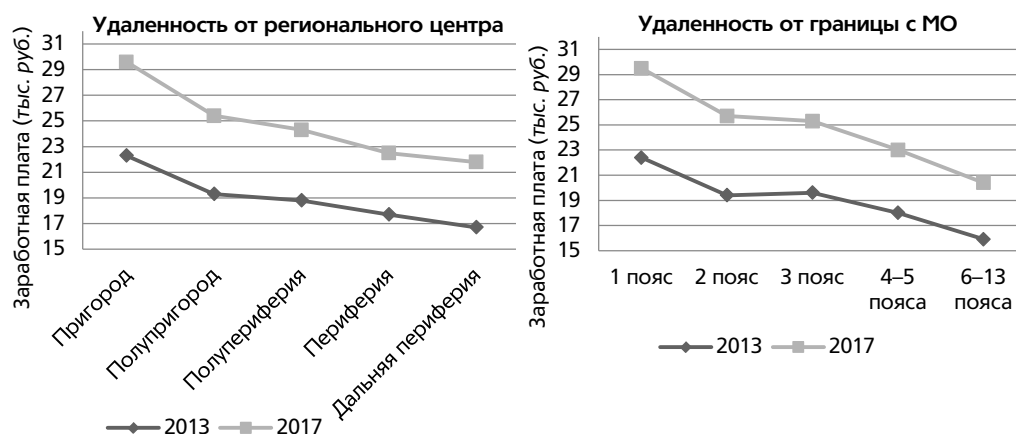

Рис. 3. Среднемесячная заработная плата в муниципальных образованиях областей, окружающих МСР, в зависимости от удаленности от центров регионов и от границ с Московской областью. 1 пояс – муниципальные образования, непосредственно граничащие с МО, 2 пояс – соседи МО второго порядка, 3 пояс – соседи третьего порядка и т.д.

Источник: данные Росстата по муниципальным районам, городам и городским округам за 2012–2018 гг.

Помимо зарплаты (33%) и отсутствия работы по специальности (18%), респонденты при ответе на вопрос, что их не устраивает в месте, где они родились и выросли, называли среду и бытовые условия (37%).

Трудовые и учебные миграции. Переезд в большой город, другой регион или страну, особенно с семьей, – шаг ответственный, требующий значительных средств для покупки жилья, стоимость которого часто не сравнима с провинциальной. Чаще население использует ступенчатый переезд с временной учебой или работой в городе в течение нескольких лет, в то время как семья остается в сельской местности или малом/среднем городе. Для многих это заканчивается переездом, но и те, кто не хочет постоянно жить в городе, также вынуждены искать в нем работу из-за отсутствия предложений или слишком низкой оплаты труда в месте проживания.

Трудовые миграции – явление для России не новое. В конце XIX – начале XX в. временная, чаще всего сезонная, работа крестьян вне места жительства называлась отходничеством. В нечерноземных губерниях доля отходников в деревнях составляла 10–40% мужского населения [Между домом..., 2016]. Массовые трудовые миграции и жизнь на два дома возобновились в постсоветское время [Плюснин и др., 2013; Флоринская и др., 2015]. Миграции в Москву и МО сегодня охватывают в окружающих областях от 7 до 26% сельского населения в трудоспособном возрасте, а в муниципальных районах, смежных с МО, до половины (рис. 4). С учетом населения городов регионы, примыкающие к МО, давали в 2010-х гг. около трети всех отходников, работающих в МСР [Между домом..., 2016], в то время как в них самих с трудом удавалось заполнять даже имеющиеся вакантные места в бюджетной сфере и в сельском хозяйстве (табл. 2).

Особую роль среди трудовых мигрантов играют выходцы из стран, входивших в СССР. В последние годы они составляли 80–90% всех въехавших на работу в Россию (по данным МВД³). В 2017–2019 гг. в окружающих МСР областях в год становилось на миграционный учет около одного млн международных мигрантов. Это немногим меньше, чем в МО (1,4–1,7 млн), но значительно меньше, чем в Москве (3–4,5 млн). Более половины таких мигрантов находятся

³ URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/19365693/> (дата обращения: 14.04.2020).

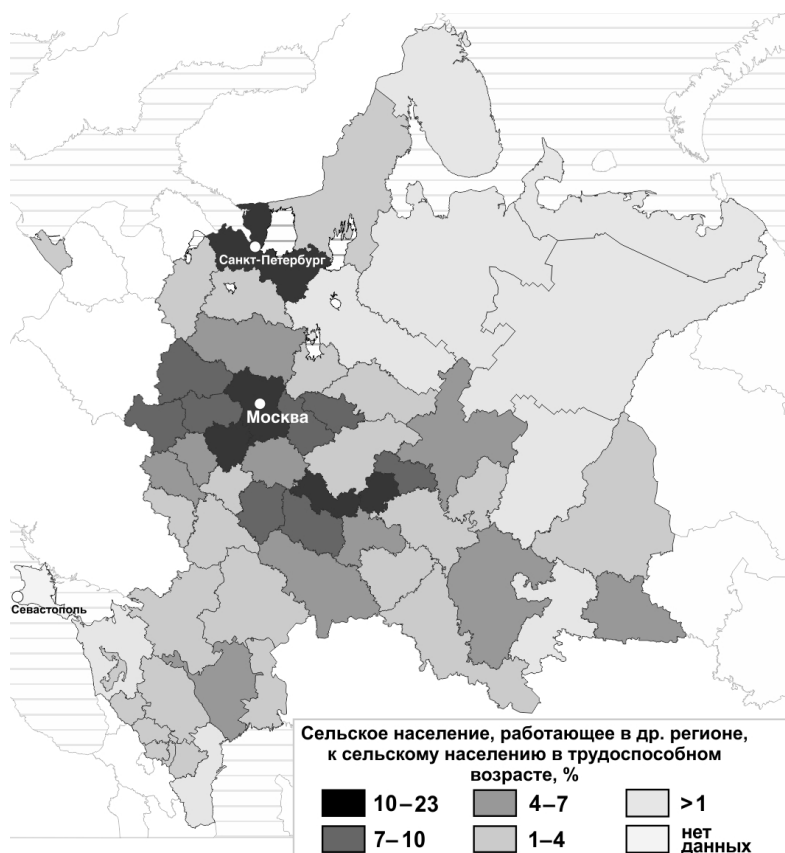

Рис. 4. Сельское население, работающее вне региона проживания

Источник: по данным ВПН-2010.

Таблица 2

Отношение потерь (отрицательное сальдо межрегиональных трудовых миграций) и добавок (положительное сальдо) трудовых ресурсов к числу занятых в регионах в центре России, 2017 г. (в %)

Регион	Потери	Добавки
Москва	0,3	21,9
Московская область	20,6	5,5
Рассматриваемые регионы в окружении МО	7,4	0,8

Примечание. По данным выборочного обследования рабочей силы в 2017 г. (Росстат).

по месту пребывания два года и более [Щербакова, 2019]. Основные цели приезда – среди всех первично зарегистрированных – составляла работа (табл. 3). Члены семей мигрантов часто въезжают с частными целями, хотя многие из них работают нелегально.

Численность ежегодно приезжающих трудовых мигрантов, переходящих с получением вида на жительство или гражданства РФ в категорию населения с долговременным или постоянным проживанием, за пределами МСР невелика (за исключением Калужской и Тульской областей) и уменьшается, так как меняется состав мигрантов. Новое поколение,

Таблица 3

Доля въезжающих с разными целями среди первично зарегистрированных международных мигрантов в среднем за 2017–2019 гг. (в %)

Регион	Работа	Частные цели	Туризм	Учеба	Прочее
Москва	63	18	13	4	2
Московская область	53	39	4	2	2
Окружение МО	46	24	18	4	8

Примечание. Расчеты по данным МВД.

выросшее в постсоветское время, хуже знает русский язык и в большей степени укоренено в своих странах, а гражданство РФ просто облегчает им возможности заработка в России [Poletaev, 2020].

Трудовая миграция российского населения часто следует за учебной. Этот вид мобильности при продолжающейся урбанизации способствует усилению контрастов на внутри- и межрегиональном уровнях. Наиболее активно мигрирует молодежь после окончания школы, а затем – получив среднее профессиональное или высшее образование. При этом наибольшие потери характерны для территорий на большом удалении от региональных центров. Как показали опросы студентов в Ярославле, 22% респондентов планировали перебраться в более крупный город (Москву, Санкт-Петербург, региональные столицы и южные города), 15% – за границу (хотя для большинства это «мечта» на фоне других вариантов). Главная цель переезда – закрепиться там, где экономические, социальные и бытовые условия в разы лучше, чем на «малой родине». Для учебной миграции (как и для трудовой) свойственна определенная ритмичность [Starikova, 2019]. Исследование, проведенное в Ярославле, показало, что с ростом удаленности места жительства доля студентов, уезжающих в родные населенные пункты на выходные, сокращается, а на каникулы – растет.

Обратный отток: дачные миграции. Дезурбанизация может рассматриваться с двух позиций: как переезд горожан в пригороды и приближение в них условий жизни и возможностей работы к городским, и как обратная миграция в сельские, порой удаленные, районы [Нефедова и др., 2015]. В первом случае и городские, и сельские сообщества включаются в универсальные процессы массового потребления, что, казалось бы, ведет к нивелированию различий между ними. Во втором случае это осознанная смена образа жизни. Если первое развивается в России в ближайших зонах за городской чертой, то желание переехать в более удаленную сельскую местность на ПМЖ (в том числе необустроенную элементарной инфраструктурой) гораздо чаще встречается в социальных сетях, чем в жизни. Оно характерно для единичных энтузиастов и пенсионеров. Правда, в периоды экономических и эпидемиологических кризисов (например, в связи с пандемией коронавируса 2020 г.) временное бегство из городов, особенно из Москвы и Санкт-Петербурга, усиливается, в том числе на дачи. Именно дачное использование горожанами сельской местности наиболее типично для России.

Массовое распространение дач в советское и постсоветское время во многом затормозило в России классическую дезурбанизацию со сменой места жительства [Между домом..., 2016]. Наличие дачи в пригороде позволяет совмещать достоинства города и жизнь на природе в своем доме, но требует активных перемещений между ними. К пригородным традиционным дачам, советским и постсоветским садовым и дачным товариществам добавились коттеджные поселки, значительная часть домов в которых используется сезонно. Дачные поселки москвичей вышли за границу МО на удаление до 250–300 км [Makhrova et al., 2017]. В связи с уходом стариков увеличивается наследование горожанами домов в деревнях. Все более популярной становится покупка жителями крупных городов деревенских домов

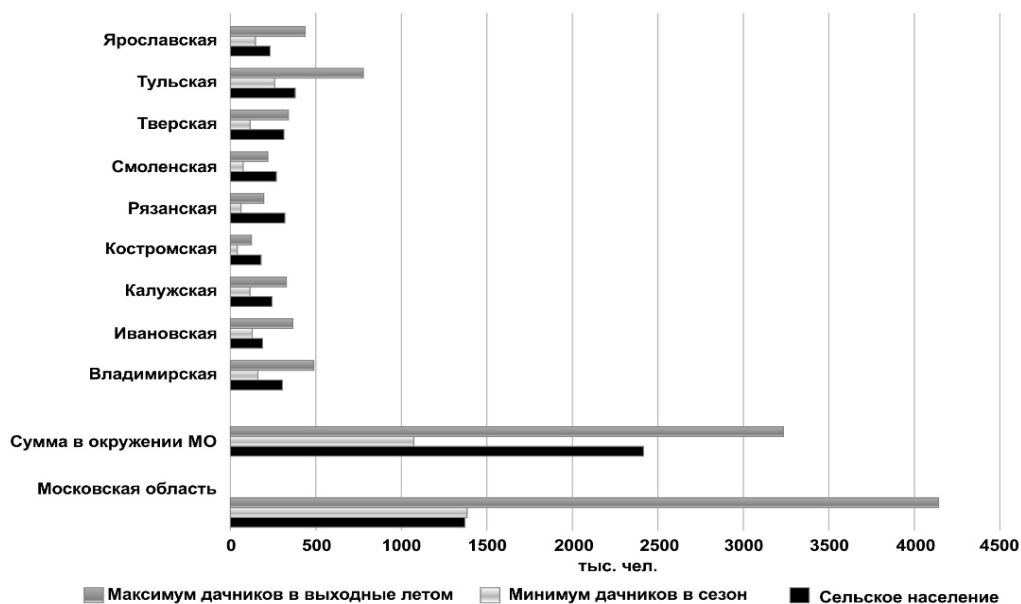

Рис. 5. Сравнение численности дачников-горожан в садовых и дачных поселках и сельского населения в регионах Центра России

Источник: рассчитано по данным ВСП-2016 и [Makhrova et al., 2017] с допущением, что минимальное число человек в сезон на участке – 1, максимальное в выходные – 3.

с использованием их в летний сезон, раздвигая дачные зоны москвичей на расстояние до 500–600 км от столицы [Между домом..., 2016]. Не только в МО, но и в окружающих областях число горожан становится сопоставимым с численностью сельского населения и даже превышает ее (рис. 5). Фактически формируется параллельная, не учитываемая и не показанная на картах сеть пульсирующего расселения со своими магазинами, неформальными рабочими местами, привлекающими российских и иностранных трудовых мигрантов.

Подходы к сопоставлению разных видов миграций. Любое сопоставление данных о разных видах миграций осложняется их различной природой, формами статистического учета, а также отсутствием некоторых статистических данных. Для исследования различий между Москвой, МО и окружающими регионами использовались данные Росстата по городам и муниципальным районам, а также данные по числу участков в садовых и дачных товариществах и их использованию, полученные в результате дешифрирования космических снимков [Махрова и др., 2016] (табл. 4).

Международные мигранты по численности почти восполняют потери регионов от отъезда российских межрегиональных работников в Москву и МО. Однако численность реально находящихся на территории трудовых мигрантов может быть вдвое меньше перемещающегося с рабочими целями населения, так как значительная часть отходников живет одну/две недели на работе и столько же дома, а им на смену приезжают другие. Кроме того, выбор международными мигрантами областей, соседних с МСР, не означает, что они находятся именно в них. Он часто связан с более дешевой арендой жилья за пределами МСР, в то время как работают они в Москве и МО. При этом мигранты из стран бывшего СССР часто составляют конкуренцию как российским работникам из других регионов, так и местным, усиливая скорость перехода местного населения в категорию межрегиональных мигрантов.

Таблица 4

**Сальдо миграций на ПМЖ и масштабы трудовых и дачных миграций
в среднем в год в 2017–2018 гг.**

Регион	Миграционный прирост (убыль) в результате миграций на ПМЖ		Возвратные миграции			
			с целью работы		дачные (внутри- и межрегиональные)	
<i>Всего (тыс. чел.)</i>						
	межрегиональные	международные	межрегиональные	международные	минимум в сезон	максимум в летний выходной
Москва	96,1	13,9	1467,4	2723,5	–	–
Московская область	64,3	15,8	–562,1	646,0	1381,5	4144,6
Окружение МО	–22,8	28,7	–313,6	322,2	108,2	324,6
<i>На 1000 жителей (чел.)</i>						
Москва	8	1	119	221	–	–
Московская область	9	2	–77	88	189	566
Окружение МО	–2	3	–31	32	11	32

Примечание. Расчеты по данным Росстата, МВД и результатам исследований.

Наиболее массовые дачные миграции сезонны и формируют максимальную нагрузку на транспорт и территорию летом, особенно в выходные. Их экономические отношения с остальными мигрантами скорее симбиотические, чем конкурентные, поскольку дачники в Подмоскowie и особенно в соседних регионах нуждаются в работниках (в том числе иностранных, включая нелегальных). Учесть эти особенности разных миграций на конкретных территориях позволил хроногеографический анализ, проведенный на примере Ярославской области (рис. б). Представление о пространственно-временной локализации жизнедеятельности людей в географическом пространстве получено, опираясь на специальные показатели – суммарную жизнедеятельность и ее плотность T [Starikova, 2018]. Для переселенческой миграции в человеко-часы переведен показатель миграционного баланса (рис. ба). Для возвратных перемещений (рис. бб) расчет T проводился по формуле:

$$T = \frac{M_1 + D + U - M_2 - O \pm t}{S},$$

где M_1 – время, проведенное трудовыми мигрантами, D – туристами, U – учащимися вузов; из этой суммы вычитаются человеко-часы, прожитые вне данной территории местными трудовыми мигрантами (M_2) и населением в отпуске или на отдыхе (O); t – человеко-часы, не вошедшие в предыдущие категории (в данном случае добавлены человеко-часы дачников); S – площадь территории. Видно, что возвратная мобильность способствует смягчению негативных процессов поляризации географического пространства: в 11 из 20 территориальных образований области, при этом «оживают» территории вдоль автодороги Москва–Ростов–Ярославль–Кострома, а также у границы с МО. Благодаря московским дачникам улучшается ситуация в Переславском районе, а экскурсанты и туристы вносят ощутимый вклад в общую сумму человеко-часов в Переславле-Залесском, Мышкинском и Ростовском районах. По показателям миграции на ПМЖ, помимо Ярославля, его пригорода и Угличского района выделился глубинный Борисоглебский район, расположенный между двумя трассами, но недалеко от МО, где в последние годы заработал крупный животноводческий комплекс с десятками рабочих мест.

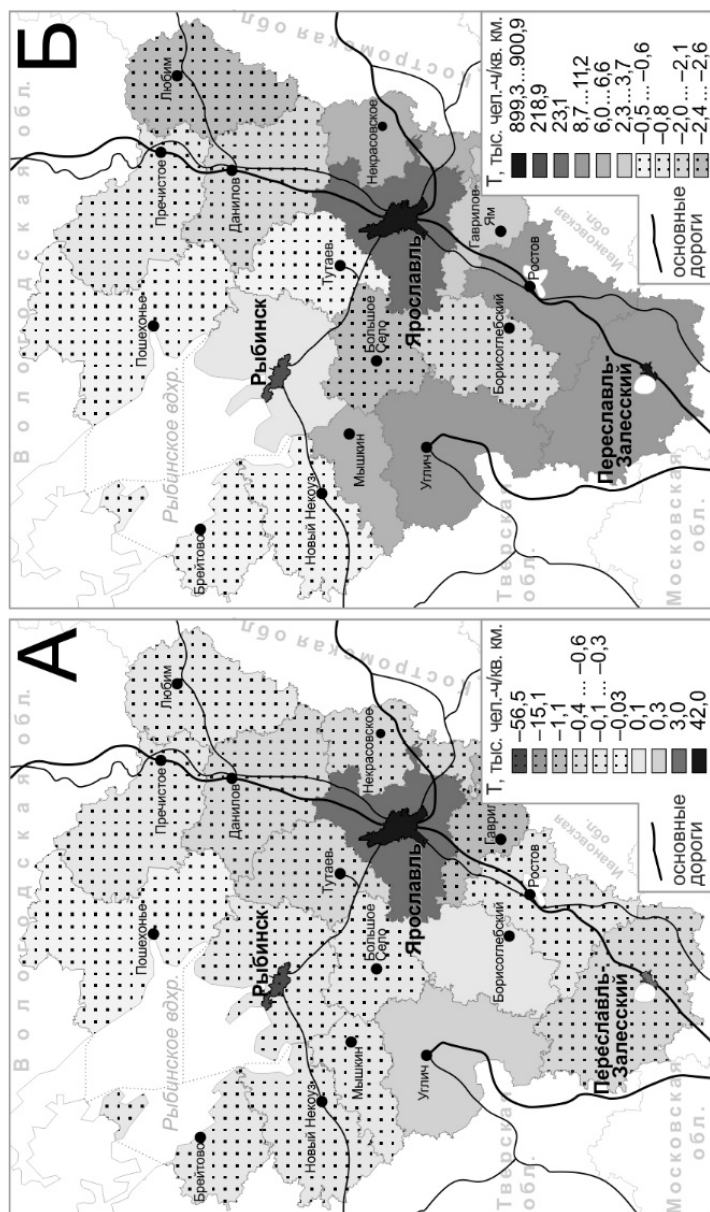

Рис. 6. Вклад в плотность жизнедеятельности на территории Ярославской области переселенческой (А) и возвратных (Б) миграций, 2017 г. Источник: рассчитано по данным Росстата и результатам исследований.

Заключение. Усиление поляризации социально-экономического пространства в постсоветское время, особенно в староосвоенном центре России, привело к сильным различиям между возможностями обучения, профессионального роста, заработка, развлечений в Московском столичном и окружающих его регионах, а внутри регионов – между их главными центрами и остальными городами и сельскими районами. Это сделало центры регионов, наряду с МСР, наиболее привлекательными для всех типов мигрантов, задав в XXI в. новый виток урбанизации [Нефедова, Тревиш, 2017].

Пространственная мобильность населения и направленность миграций, как на ПМЖ, так и трудовых, в крупнейшие города и ближе к ним в пригороды стали ключевыми факторами адаптации значительной части населения к усилению контрастности социально-экономических условий. Следствием этого стала потеря многими районами, особенно на периферии регионов, наиболее активной части населения и еще большая пространственная поляризация.

Исследование некоторых факторов, способствующих миграциям (занятости, уровня зарплат, бытовой обустроенности жилья) на разных масштабных уровнях, выявило сильное отставание значительной части малых и средних городов и сельских территорий не только от Москвы и региональных центров, но и от их пригородов. Это подтверждается и выявленными по опросам учащейся молодежи причинами ее ориентации на крупные города.

При отрицательном сальдо межрегиональных российских переселенческих миграций, направленных преимущественно в МСР, в подавляющем большинстве окружающих его областей положительное сальдо характерно в основном для международных миграций (преимущественно из бывших советских республик), сопоставимых по масштабам с уменьшением численности местного населения. Однако надежды на восполнение ими потерь трудовых ресурсов и заселение территорий не совсем оправданы: устремления международных мигрантов, как и местных жителей, направлены главным образом в МСР. Еще ярче это проявляется внутри регионов, где привлекательными остаются большие города и их пригороды.

Траектории возвратных трудовых и учебных миграций во многом соответствуют направлениям переселенческих. Эти виды мобильности хотя и усиливают социально-экономические контрасты между территориями, но все же сохраняют структуру расселения, поскольку семьи остаются в малых городах и сельской местности, что поддерживает относительную стабильность периферии. Тем не менее для многих они служат лишь ступенью для переезда в крупные города.

Усиливающаяся поляризация пространства сезонно сглаживается распространением дач, которые не ограничиваются садовыми товариществами в пригородах: горожане вовлекают в использование наследные и заброшенные дома в удаленных деревнях. Однако они часто сталкиваются с неумением и нежеланием властей поддерживать эти процессы, использовать человеческий потенциал для сохранения сети расселения и стимуляции новых путей развития территории. Плохое качество дорог, отсутствие газа и водопровода даже в малых городах, сокращение услуг социальной сферы в связи с объединением поселений не только способствуют отъезду молодежи, но и делают миграционные потоки дачников пульсирующими и ненадежными.

Разнообразие видов пространственной мобильности, разные временные циклы и методы изучения переселенческих и возвратно-циклических миграций затрудняют исследование их сочетаний и влияния на развитие конкретных территорий. Тем не менее именно сочетания миграционных потоков и их интенсивность могут служить индикатором возможностей развития городов и сельских районов. Примененный в статье хроногеографический подход позволил комплексно подойти к исследованию не только направлений миграций и масштабам потоков, но и времени, проведенного мигрантами в том или ином месте. Перевод показателей численности мигрантов в показатели человеко-часов на кв. км на примере Ярославской области позволил увидеть картину реального распределения населения на территории. Несмотря на сохранение основных узлов его наиболее активной

жизнедеятельности, связанных с положительным сальдо переселенческих и трудовых миграций, наблюдается эффект выравнивания, прежде всего за счет дачных, туристических и отчасти международных миграций. Это согласуется с ситуацией в европейских странах, что говорит о некоторых общих тенденциях, несмотря на специфику России, связанную с повышенной поляризацией и запаздывающей реальной дезурбанизацией.

Учитывая время подачи статьи, невольно возникает вопрос о влиянии эпидемии коронавируса и применяемых правительством мер на миграционные процессы. При уменьшении возможностей занятости, как на предприятиях, так и в малом бизнесе, следует ожидать уменьшения числа трудовых мигрантов. Как и при прошлых экономических кризисах, направления перемещений населения в России временно меняются с центростремительных на центробежные. Они отражают естественное желание жителей крупных городов переждать пандемию на дачах за забором и со своим огородом. Однако прогнозировать закрепление этих тенденций, в том числе благодаря массовому погружению в виртуальную среду и возможностям онлайн-общения, надо осторожно. Предыдущий опыт показывает, что восстановление экономики начинается с крупных центров, поэтому следует ожидать всплеска центростремительных переселенческих и трудовых миграций при выходе из кризиса, если государство не озаботится закреплением некоторых намечающихся привилегий малому и среднему бизнесу, региональным и муниципальным властям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Зубаревич Н.В. Рента столичного статуса // Pro et Contra. Москва как физическое и социальное пространство. 2012. № 6(57). С. 6–19.
- Иоффе Г.В., Нефедова Т.Г. Центр и периферия в сельском хозяйстве российских регионов // Проблемы прогнозирования. 2001. № 6. С. 100–110.
- Махрова А.Г., Медведев А.А., Нефедова Т.Г. Садово-дачные поселки горожан в системе сельского расселения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5: География. 2016. № 2. С. 64–74.
- Между домом и... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / Под ред. Т.Г. Нефедовой, К.В. Аверкиевой, А.Г. Махровой. М.: Новый Хронограф, 2016.
- Мкртчян Н.В. Миграционная мобильность в России: оценки и проблемы анализа // SPERO. Социальная политика: экспертизы, рекомендации, обзоры. 2009. № 11. С. 149–164.
- Мкртчян Н.В. Региональные столицы России и их пригороды: особенности миграционного баланса // Известия РАН. Сер. геогр. 2018. № 6. С. 26–38.
- Нефедова Т.Г. Сельская местность на удаленных подступах к Москве // ЭКО. 2019. Т. 49. № 4. С. 50–70. DOI: 10.30680/ЕКО0131-7652-2019-4-50-70.
- Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Перестройка расселения в современной России: урбанизация или дезурбанизация? // Региональные исследования. 2017. № 2(56). С. 12–23.
- Нефедова Т.Г., Покровский Н.Е., Трейвиш А.И. Урбанизация, дезурбанизация и сельско-городские сообщества в условиях роста горизонтальной мобильности // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 60–69.
- Плюснин Ю.М., Заусаева Я.Д., Жидкевич Н.Н., Позаненко А.А. Отходники. М.: Новый Хронограф, 2013.
- Старикова А.В., Трейвиш А.И. Время, место и мобильность: эволюция хроногеографии // Региональные исследования. 2017. № 3(57). С. 13–22.
- Урри Дж. Мобильности. М.: Праксис, 2012.
- Флоринская Ю.Ф., Мкртчян Н.В., Малева Т.М., Кириллова М.К. Миграция и рынок труда. М.: «Дело» РАНХиГС, 2015.
- Щербакова Е. Миграции в России, итоги первого полугодия 2019 года // Демоскоп Weekly. 2019. № 827–828. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2019/0827/index.php> (дата обращения: 14.04.2020).
- Argenbright R. Moscow on the Rise: From Primate City to Megaregion // The Geographical Review. 2013. Vol. 103. No. 1. P. 20–36. DOI: 10.2307/43915959.
- Ellegård K. Thinking Time Geography: Concepts, Methods and Applications. London: Routledge, 2018.
- Hägerstrand T. What about People in Regional Science? // Papers of the Regional Science Association. 1970. No. 24. P. 7–21.
- Kwan M.-P. Gender, the Home–Work Link, and Space-Time Patterns of Nonemployment Activities // Economic Geography. 1999. No. 75. P. 370–394.

- Kramer C. Zeit und Raum – Zeit für Raum? Räumliche Disparitäten in der individuellen Zeitverwendung – Ein Forschungsprojekt // *Zeitbudget in Deutschland – Erfahrungsberichte der Wissenschaft*. Stuttgart: Statistisches Bundesamt, 2001. Bd. 17. S. 19–43.
- Makhrova A., Kirillov P., Bochkarev A. Work Commuting of the Population in the Moscow Agglomeration: Estimating Commuting Flows Using Mobile Operator Data // *Regional Research of Russia*. 2017. Vol. 7. No. 1. P. 36–44. DOI: 10.1134/S2079970517010051.
- Poletaev D.V. Adaptation and Integration of Labour Migrants from the EAEU in Russia on the Example of Migrants from Kyrgyzstan // *Population and Economics*. 2020. Vol. 4. No. 1. P. 20–37. DOI: 10.3897/popecon.4.e50747.
- Pred A. The Choreography of Existence: Comments on Hägerstrand's Time-Geography and Its Usefulness // *Economic Geography*. 1977. Vol. 53. No. 2. P. 207–221.
- Starikova A.V. Population Mobility in Bavaria: Spatio-Temporal Features and Migration Flows in the Early 21st Century // *EUROPA XXI*. 2018. No. 34. P. 59–78. DOI: 10.7163/Eu21.2018.34.4.
- Starikova A.V. Spatial Behavior of students and their role in Polarized Development: Comparative Studies of Yaroslavl Oblast and Bavaria // *Geography, Environment, Sustainability*. 2019. No. 2. P. 18–28. DOI: 10.24057/2071-9388-2019-49.
- Zelinsky W. The Hypothesis of Mobility Transition // *Geographical Review*. 1971. Vol. 61. No. 2. P. 219–249.

Статья поступила: 27.04.20. Финальная версия: 21.06.20. Принята к публикации: 28.08.20.

MIGRATIONS AS A WAY OF POPULATION ADAPTATION TO POLARIZATION OF SPACE AT THE CENTER OF RUSSIA

NEFEDOVA T.G.*, STARIKOVA A.V.*

**Institute of Geography RAS, Russia*

Tatyana G. NEFEDOVA, Dr. Sci. (Geogr.), Chief Researcher (trene12@igras.ru); Alexandra V. STARIKOVA, Cand. Sci. (Geogr.), Researcher (a.v.starikova@igras.ru). Both – *Institute of Geography RAS, Moscow, Russia*.

Acknowledgements. The study was financially supported by the Russian Science Foundation (project No. 19-17-00174) and within the state-ordered research theme of the Institute of Geography RAS (No. 0148-2019-0008; methodology in the framework of time-geography).

Abstract. Population spatial mobility is an important factor for adaptation to life in territories featuring strong socio-economic contrasts. The study is based on Rosstat and the Ministry of Internal Affairs statistics, as well as on field observations in some early developed regions of Central Russia. In most oblasts surrounding Moscow Capital Region, net migration, if positive, is normally due to international inflows. However, it cannot make up for the population and labor force loss. Both locals and immigrants aim at moving to Moscow/Moscow oblast, which are significantly ahead of the neighboring areas in terms of living standards, labor market prospects, wages, opportunities for education and leisure, etc. Within regions resettlers' and labor migrants' flows, spatial heterogeneity and concentration of population in the largest cities and their suburbs grow, while the peripheral devastation is continuing. Socio-geographical analysis of migration processes was conducted by authors from the standpoint of time-geographical approach. The indicator of human activity density was calculated (ratio of actual number of man-hours per year lived by permanent and temporary population on the territory to its area) allowing us to compare influence of return and non-return migrations at the intra-regional level on the case of Yaroslavl oblast. As a result, real population distribution in the region was revealed considering its movements and time spent at different places. Smoothing of the human activity "landscape" via dacha, tourist and partly international migrations is stated, while human activity "nodes" exist due to resettlements and labor migration.

Keywords: spatial polarization, migrations, time geography, early developed regions, Moscow Capital Region, Central Russia.

REFERENCES

- Argenbright R. (2013) Moscow on the Rise: From Primate City to Megaregion. *The Geographical Review*. Vol. 103. No. 1: 20–36. DOI: 10.2307/43915959.
- Nefedova T.G., Averkieva K.V., Makhrova A.G. (eds) (2016) *Between Home and... Home. The Return Spatial Mobility of Population in Russia*. Moscow: Noviy Khronograf. (In Russ.)

- Ellegård K. (2018) *Thinking Time Geography: Concepts, Methods and Applications*. London: Routledge.
- Florinskaya Yu.F., Mkrtychyan N.V., Maleva T.M., Kirillova M.K. (2015) *Migration and the Labor Market*. Moscow: "Delo" RANHiGS. (In Russ.)
- Hägerstrand T. (1970) What about People in Regional Science? *Papers of the Regional Science Association*. No. 24: 7–21.
- Ioffe G.V., Nefedova T.G. (2001) Center and Periphery in Agriculture of the Russian Regions. *Problemy prognozirovaniya* [Forecasting Issues]. No. 6: 100–110. (In Russ.)
- Kramer C. (2001) Time and Space – Time for Space? Spatial Disparities in Individual Time Use – A Research Project. In: *Time Budget in Germany – Scientific Reports*. Vol. 17. Stuttgart: Statistisches Bundesamt: 19–43. (In Germ.)
- Kwan M.-P. (1999) Gender, the Home–Work Link, and Space–Time Patterns of Nonemployment Activities. *Economic Geography*. No. 75: 370–394.
- Makhrova A., Kirillov P., Bochkarev A. (2017) Work Commuting of the Population in the Moscow Agglomeration: Estimating Commuting Flows Using Mobile Operator Data. *Regional Research of Russia*. Vol. 7. No. 1: 36–44. DOI: 10.1134/S2079970517010051.
- Makhrova A.G., Medvedev A.A., Nefedova T.G. (2016) Gardening and Dacha Communities of Urban Dwellers in the Settlement System. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5, Geografiya* [Moscow University Bulletin. Series 5, Geography]. No. 2: 64–74. (In Russ.)
- Mkrtychyan N.V. (2009) Migration Mobility in Russia: Assessment and Analysis Problems. *SPERO*. No. 11: 149–164. (In Russ.)
- Mkrtychyan N.V. (2018) Regional Capitals and Their Suburbs in Russia: Net Migration Patterns. *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Geography]. No. 6: 26–38. (In Russ.)
- Nefedova T.G. (2019) The Countryside in the Remote Outskirts of Moscow. *ECO*. Vol. 49. No. 4: 50–70. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-4-50-70. (In Russ.)
- Nefedova T.G., Pokrovsky N.E., Treivish A.I. (2015) Urbanization, Desurbanization and Rural-Urban Communities in the Face of Growing Horizontal Mobility. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 60–69. (In Russ.)
- Nefedova T.G., Treivish A.I. (2017) The Transformation of Settlement in Modern Russia: Urbanization or De-urbanization? *Regionalnye issledovaniya* [Regional Studies]. No. 2(56): 12–23. (In Russ.)
- Plyusnin Y.M., Zausaeva Ya.D., Zhidkevich N.N., Pozanenko A.A. (2013) *Season Workers*. Moscow: Noviy Khronograf. (In Russ.)
- Poletaev D.V. (2020) Adaptation and Integration of Labour Migrants from the EAEU in Russia on the Example of Migrants from Kyrgyzstan. *Population and Economics*. Vol. 4. No. 1: 20–37. DOI: 10.3897/popecon.4.e50747.
- Pred A. (1977) The Choreography of Existence: Comments on Hägerstrand's Time-Geography and its Usefulness. *Economic Geography*. Vol. 53. No. 2: 207–221.
- Scherbakova E. (2019) Migrations in Russia, the Results of the First Half of 2019. *Demoscope Weekly*. No. 827–828. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2019/0827/index.php> (accessed 14.04.2020). (In Russ.)
- Starikova A.V. (2018) Population Mobility in Bavaria: Spatio-Temporal Features and Migration Flows in the Early 21st Century. *EUROPA XXI*. No. 34: 59–78. DOI: 10.7163/Eu21.2018.34.4.
- Starikova A.V. (2019) Spatial Behavior of Students and Their Role in Polarized Development: Comparative Studies of Yaroslavl Oblast and Bavaria. *Geography, Environment, Sustainability*. No. 2: 18–28. DOI: 10.24057/2071-9388-2019-49.
- Starikova A.V., Treivish A.I. (2017) Time, Place and Mobilities: Evolution of Time-Geography. *Regionalnye issledovaniya* [Regional Studies]. No. 3(57): 13–22. (In Russ.)
- Urry J. (2012) *Mobilities*. Moscow: Praxis. (In Russ.)
- Zelinsky W. (1971) The Hypothesis of Mobility Transition. *Geographical Review*. Vol. 61. No. 2: 219–249.
- Zubarevich N.V. (2012) Capital Status Rent. Pro et Contra. *Moskva kak fizicheskoe i sotsialnoe prostranstvo* [Pro et Contra. Moscow as a Physical and Social Space]. No. 6(57): 6–19. (In Russ.)

Received: 27.04.20. Final version: 21.06.20. Accepted: 28.08.20.